

Чжэн Хайян чувствовал легкое раздражение, словно его усилия по воспитанию сына оказались напрасными. Это был настоящий маленький неблагодарный, который, обмочив кровать, стыдился признаться и даже обвинил в этом его. Чжэн Хайян был явно недоволен, и с того момента, как Хань И заявил, что это «брат пописал», его лицо оставалось хмурым.

Днем он перестал учить Хань И петь и читать, не прыгал с ним на балконе и даже не делился едой из кухни. Весь день он игнорировал мальчика. Хань И, чувствуя, что что-то не так, сам взял словарь и подошел к Чжэн Хайяну. Тот махнул рукой:

— Брат пописал прошлой ночью, не буду учить.

Когда из громкоговорителя старшей школы донеслась музыка для утренней зарядки, Хань И начал прыгать дома прямо перед Чжэн Хайяном. Тот лишь поднял брови и сказал:

— Брат пописал прошлой ночью, не хочу прыгать.

Когда Хань И потянул его за руку, желая перекусить, Чжэн Хайян остался неподвижен:

— Брат пописал прошлой ночью, не хочу есть.

Брат не обращал на него внимания, и Хань И весь день ходил с грустным лицом.

Вечером оба мальчика легли спать рядом. Чжэн Хайян заснул первым, планируя проснуться ночью, чтобы отвести малыша в туалет. Однако, проснувшись, он обнаружил, что глаза ребенка широко открыты, словно он давно проснулся или вообще не спал.

Чжэн Хайян встал, взял Хань И, который терпел, и отвел его в туалет. Маленький мальчик присел на корточки, а Чжэн Хайян стоял рядом, скрестив руки на груди. После того как Хань И закончил, они вернулись в кровать.

Лежа в кровати, Хань И посмотрел на Чжэн Хайяна и попытался свернуться в клубок, прижавшись к нему. Чжэн Хайян сначала не двигался, закрыв глаза, но через некоторое время почувствовал, как ребенок подползает ближе. Он «неохотно» открыл глаза, взглянул и снова закрыл их. Хань И продолжал подползать, его лицо касалось руки Чжэн Хайяна, а дыхание из маленького носика щекотало его шею.

Только тогда Чжэн Хайян «неохотно» повернулся к ребенку, позволив ему забраться в его объятия.

Чжэн Хайян почувствовал себя величественным и могущественным, настоящим образцовым отцом. Он фыркнул и с гордостью произнес:

— Будешь еще говорить, что это брат пописал?

Хань И ответил:

— Обнимашки~.

Чжэн Хайян снова фыркнул, подняв нос, и на этом его гнев утих. Он обнял ребенка, и они заснули.

На следующее утро простыня снова оказалась мокрой.

Чэнь Линлин подняла простыню и, глядя на двух мальчиков, стоящих рядом, спросила:

— Опять описались?

Чжэн Хайян, закрывая лицо от стыда, стоял смущенный, а Хань И храбро выступил вперед, встал перед ним и громко закричал:

— Это я пописал!!!

Чжэн Хайян и Хань И восстановили свою дружбу, держась за руки, как настоящие друзья.

Чжэн Хайян почувствовал, что его усилия не прошли даром, и что его «сын» не был напрасным. Хань И взял на себя вину за мокрую кровать, и Чжэн Хайян был тронут. После этого мальчик получил сладости.

Чжэн Пин и Чэн Баоли вернулись из родного города, задержавшись на несколько дней. Как раз в это время Хань Чжицзюнь приехал из Пекина. Причина была проста — в центре провинции открывался новый ресторан «Иянцзи».

День открытия выдался солнечным и приятным, специально выбранный как благоприятный день. Это была суббота, и на оживленном перекрестке главной улицы города висел огромный красный вывеска с надписью «Иянцзи» и английским логотипом. Звуки барабанов и фейерверков разносились повсюду, создавая праздничную атмосферу.

Открытие ресторана жареной курицы в центре провинции было таким же шумным, как и в Пекине. Заведение позиционировалось как западный фастфуд, что привлекло множество людей, хотя цены заставили многих простых жителей ахнуть.

Но 1991 год уже не был 80-ми, и взгляды людей изменились. В магазинах центра провинции уже продавались дорогие кожаные пальто и зарубежные бренды, и люди гордились тем, что могли позволить себе импортные товары. Западный фастфуд вызывал любопытство, и под влиянием этого любопытства и тщеславия многие стояли в очереди, чтобы попробовать что-то новое.

Интерьер «Иянцзи» сильно отличался от обычных местных заведений. Здесь не было угольных печей у входа, больших котлов с паром, деревянных столов и скамеек, а также привычных палочек и мисок. Заказы делались на стойке, и клиенты быстро получали свои блюда в бумажных пакетах и пластиковых контейнерах.

Картофельное пюре было новинкой, салат также оказался непривычным для простых жителей, а вкус жареной курицы отличался от домашнего. Люди сидели у больших окон, наблюдая за прохожими, которые с любопытством заглядывали внутрь. У входа собралась толпа зевак, а Чжэн Пин, только что вернувшийся, был занят раздачей рекламных листовок вместе с несколькими официантами.

В те времена импортные товары были редкостью и стоили немалых денег, но многие не жалели десяти юаней, чтобы попробовать западный фастфуд.

Инфляция сделала десять юаней в 1991 году не такими значительными, как раньше. Все больше людей открывали свои бизнесы, и с расширением кругозора и увеличением доходов многие были готовы потратить эти деньги на западный фастфуд.

Чжэн Пин сначала беспокоился, что ресторан в центре провинции не привлечет клиентов, но к четырем-пяти часам дня у входа выстроилась длинная очередь, и он наконец вздохнул с облегчением.

Бизнес с жареной курицей не подвел, и все вздохнули с облегчением. Инвестиции Чжэн Пина и Хань Чжицзюня не пропали даром.

На этот раз взрослые были более опытны в ведении бизнеса, чем в Пекине. Хань Чжицзюнь напечатал множество рекламных листовок и раздавал их в жилых районах и у школ. Чжэн Пин жил напротив старшей школы, и в первые дни после открытия «Иянцзи» у входа в школу можно было увидеть кучу детей, обсуждающих западный фастфуд. Некоторые даже собирали деньги, чтобы купить жареную курицу и разделить её между собой.

Чжэн Пин воспользовался моментом и открыл филиал «Иянцзи» в центре провинции, пока там еще не появился KFC. Реклама западного фастфуда распространилась по всему городу, и бизнес сразу же стал процветать, даже лучше, чем в Пекине. Каждый день у входа выстраивались длинные очереди, чтобы купить жареную курицу и колу.

Дедушка и бабушка Чжэн вышли из маслозавода, а третий сын семьи Чжэн, Чжэн Цю, приехал из маленького городка. Теперь все они помогали в ресторане. Чжэн Цю, которому было чуть больше двадцати, унаследовал привлекательную внешность семьи Чжэн. С его белоснежной улыбкой и приветливым характером он быстро стал любимцем клиентов.

Ресторан был открыт на равные доли Чжэн Пином и Хань Чжицзюнем, и прибыль делилась поровну. Дедушка, бабушка и Чжэн Цю получали зарплату сотрудников, которая была немаленькой — более трехсот юаней в месяц. Чэн Баоли сначала беспокоилась, что родственники мужа будут недовольны, но дедушка и бабушка Чжэн заявили, что они уже на пенсии и получают пенсию, поэтому работа в ресторане была для них просто способом занять себя. Что касается Чжэн Цю, то он был молодым парнем без особых амбиций, с открытым характером и добродушием. Он прямо сказал Чэн Баоли:

— Не переживай, вторая невестка. Сейчас зарплата намного больше, чем в родном городе! Если я буду недоволен, брат просто выгонит меня.

Чжэн Пин кивнул, серьезно добавив:

— Верно, если будут претензии — выгоню.

Чжэн Цю лишь улыбнулся своей белоснежной улыбкой, ничуть не обидевшись.

Через две недели после открытия филиала, в конце апреля, Чжэн Пин поехал в Пекин, чтобы оформить регистрацию своей семьи, и только вернулся, как узнал, что сестра Хань Чжицзюня возвращается в страну.

Чэн Баоли было очень интересно узнать о сестре Хань Чжицзюня. Она была не похожа на них, уехав за границу учиться в подростковом возрасте и проведя там несколько лет. Чэн Баоли никогда не была за границей, но представляла, что жизнь там была более развитой и комфортной. Она с любопытством спросила Чэнь Линлин:

— Как она? Какая она?